

УДК 37.091.27

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.27>

Система итоговой аттестации в народной школе Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. как результат образовательной политики российского самодержавия

Н. Н. Лебедева

Братский государственный университет, г. Братск, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются особенности организации системы переводных и выпускных экзаменов в народной школе Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. в связи с проблемами становления и развития содержания и механизмов реализации государственной итоговой аттестации в практике современного отечественного образования.

Ключевые слова: церковно-приходская школа, итоговая аттестация, отечественная образовательная политика, проблемы оценки качества образования, епархиальный училищный совет, инспектор народных училищ, испытательная комиссия, льгота по отбытию воинской повинности.

Для цитирования: Лебедева Н. Н. Система итоговой аттестации в народной школе Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. как результат образовательной политики российского самодержавия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 27–37. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.27>

Современная образовательная политика в России переживает изменения, связанные с определением новых приоритетов, концептуальных основ, структуры и содержания образования. Одним из важнейших направлений этих поисков является развитие и совершенствование контроля и управления качеством образования. Ядром этой системы является государственная итоговая аттестация, которая с точки зрения действующего Федерального закона «Об образовании в РФ» представляет собой форму оценки степени и уровня освоения обучающимися образовательной программы и проводится на основе принципов объективности и независимости оценки качества подготовки обучающихся (ст. 59)¹.

В связи с необходимостью построения в нашей стране научно обоснованной, справедливой, объективной и эффективной системы итоговой аттестации возрастает значимость рефлексии образовательных практик, характеризующих достижения и неудачи отечественной педагогики в этой сфере. Одной из самых острых проблем были и остаются вопросы отбора содержания, технологии подготовки к итоговой аттестации выпускников и процеду-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.05.2021).

ры ее проведения, реализующих потребности отечественного образования на разных этапах его развития.

Формирование системы итоговой аттестации в отечественной общеобразовательной школе имеет долгую и противоречивую историю. Особый интерес для современных специалистов в сфере общественных наук представляет собой начало этой истории: многие до сих пор не преодоленные проблемы оценки качества образования впервые проявились в работе народных школ в период их массового создания в нашем регионе в 1880-е гг.

В Российской империи существовали начальные учебные заведения различных ведомств, но в Восточной Сибири ведущая роль принадлежала церковно-приходским школам ведомства православного вероисповедания (далее – ВПИ). С 1884 г., с момента своего официального признания, они пользовались поддержкой правительства. Эта мера стала одной из важнейших в ряду консервативно-охранительных мероприятий администрации Александра III. Государственные деятели этого периода подчеркивали характерную для России традиционную историческую связь между школой и церковью как залог сохранения самобытности и культурной целостности нашего народа.

В первой половине 1886 г. Святейший синод утвердил программу учебных предметов для церковно-приходских школ. Во введении к программе указывалось, что «школа при церкви представляет наилучшие способы для впечатления в сердце детей основных истин веры и благочестия, для привлечения их сердец к материнскому руководительству Церкви и для склонения их воли в послушании ей... Наставник приучает детей к порядку, точности, вежливости, благопристойности, воздержанию в словах и поступках, благодарности и строгому повиновению»².

На территории Восточной Сибири действовали два типа народных школ – государственные, курировавшиеся Министерством народного просвещения (далее – МНП), и церковно-приходские, подчинявшиеся епархиальной администрации. Школы работали в условиях серьезной взаимной конкуренции, однако их проблемы были аналогичными. Они делились на одноклассные с двухгодичным сроком обучения (в реальности программа не проходила за частую и за три-четыре года) и двуклассные с трехгодичным сроком. В 1902 г. учебные курсы увеличились соответственно до 3 и 5 лет. Четырехгодичное обучение вводилось лишь в одноклассных школах с двумя учителями, и только с согласия местного священника.

Одной из сложнейших проблем сибирской народной школы стала организация системы итоговой аттестации, что было обусловлено целым рядом факторов. Сегодня итоговая аттестация является обязательной процедурой и завершает освоение основных образовательных программ любого уровня. Однако сто лет назад выстраивание даже подобия этой системы оказалось непосильной задачей как для государственных, так и для церковных школ региона.

² Программа учебных предметов для церковно-приходских школ // Вестник духовного просвещения. 1995. № 2-3. С. 81–86.

Прием и обучение детей в школе должны были быть отдельными, но на практике специальными (женскими/мужскими) школами были только второклассные училища ведомства православного исповедания, а из школ иных типов в любой из губерний отдельное обучение практиковалось не более чем в 4–5 школах. В класс приходили дети от 7 до 15 лет. Как правило, девочки попадали в школу в возрасте 7–11 лет, мальчики – 7–14 лет, поэтому данный возраст часто считался школьным. Фактически родители забирали детей из школы, лишая их возможности доучиться, в возрасте 12–13 лет, а семилетних детей в школы отдавали неохотно, поэтому епархиальный наблюдатель школ ВПИ И. Л. Брызгалов предлагал считать для Восточной Сибири школьным возрастом 9–12 лет [2, с. 13].

Решая вопрос о том, отправлять ли ребенка в школу, родители учитывали его место в семейной структуре, пол и, в меньшей степени, способности и состояние здоровья. Больше шансов на получение образования было у младших детей: старшие братья и сестры своим трудом обеспечивали им эту возможность. В школы отдавали преимущественно мальчиков: впоследствии им предстояло вести хозяйство, заниматься торговлей, иметь дело с властями и сельским «миром». Дополнительным стимулом после военной реформы 1874 г. стало получение льготы, выражавшейся в сокращении срока действительной военной службы, по результатам итоговой аттестации учащихся.

Девочек даже в зажиточных семьях учили редко. При наплыве учеников в школу предпочтение при зачислении отдавалось мальчикам. Школьное обследование 1894 г. показало, что на 100 учащихся-мальчиков в сельских школах Сибири приходилось только 26 девочек; школьная перепись 1911 г. дала соотношение 100 к 38 [5, с. 69]. Впервые вопросы женского начального образования начинают обсуждаться в церковной печати в конце XIX в. Привлечение в школы девочек расценивалось как залог лучшего воспитания ими будущих детей и в конечном итоге духовного оздоровления нации.

В школу приходили дети разных возрастов и разной степени подготовленности. На практике класс, насчитывавший по нормативам до 50 человек, обычно делился на три отделения (группы), с которыми преподаватель занимался поочередно. Лучшие ученики могли оказывать помощь педагогу в проверке письменных работ³. В каждом отделении ежедневно было в среднем по три устных и два письменных урока. Из трех лет обучения только 750 учебных часов приходилось на так называемые личные занятия. Письменные работы назначались двум отделениям в то время, пока педагог занимался с третьим. Обилие письменных работ не улучшало качества учебного процесса, но при иной организации труда учитель просто не справлялся со своими обязанностями⁴. Для повышения эффективности обучения и итоговой аттестации неоднократно предлагалось производить прием и выпуск учеников не ежегодно, а два раза в три года – в этом случае учитель

³ Инструкция для учителей начальных училищ Иркутской губернии. Иркутск, 1886. 42 с.

⁴ Государственный архив Красноярского края. Ф. 297. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

занимался бы только с двумя отделениями. Однако подобные предложения отклонялись как представителями МНП, так и церковно-школьной администрацией.

Учебный год в сельской начальной школе должен был начинаться 15 сентября и заканчиваться 15 июля. В городских школах летние каникулы продолжались с 1 июня по 16 августа⁵. Рождественские каникулы в Енисейской епархии приходились на период с 22 декабря по 7 января (в каждой губернии вакационные сроки устанавливались независимо)⁶. Обучение также не производилось в воскресенье и 24 праздничных дня, на Страстной и Светлой седмицах. Однако на практике продолжительность учебного года могла колебаться от 5–5,5 до 8,5–9 месяцев.

Длительность учебного времени и посещаемость занятий зависели от трех причин. Во-первых, длительность учебного года была больше в тех школах, где учителями не были члены причта, занятые, помимо преподавания, прямыми служебными обязанностями. Во-вторых, в тех поселениях, где школы были открыты сравнительно давно и взрослое население осознало важность обучения грамоте и значение регулярности школьных занятий, учеба начиналась в положенное время и уроки почти не пропускались, а сельское население, незнакомое с грамотностью, игнорировало школы, отправляя туда детей к концу октября и забирая в марте, с началом полевых работ. В-третьих, сами учителя злоупотребляли вышеуказанным обстоятельством, спеша окончить занятия в школах, когда ученики только начинали расходиться по полевым работам, а осенью поздно являясь к месту работы из отпуска. Ко всему прочему ни учителя, ни священники-законоучители не обращали должного внимания на повсеместные пропуски уроков, считая это неизбежным злом.

Администрацией школ как духовного ведомства, так и МНП неоднократно указывалось на недопустимость подобной практики. Учителям рекомендовалось в случае прогулов занятий посещать родителей учеников. Объявление о начале учебного года должно было оглашаться на сельских и волостных сборах и с церковных амвонов. Учебный год должен был продолжаться при любой наполненности школы с 15 сентября по 15 мая (даже в том случае, если годовые экзамены были проведены до 15 мая), с учениками младших возрастов – как не задействованными в полевых работах⁷.

Народная школа представлялась ее создателям местом воспитания народа в духе православного вероучения и христианской нравственности и уже во вторую очередь – образовательным учреждением. Само усвоение знаний должно было подчиняться двум задачам – получения различных практически значимых знаний и умений, необходимых в реальной жизни, и возможности более подробно изучить основы православия, нравственно совершенствоваться, укрепляться в любви к родине и верноподданнических чувствах.

⁵ Инструкция для учителей начальных училищ... С. 2.

⁶ Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 23. С. 6.

⁷ Иркутские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 21.

Однако это не означало, что «светские» и «церковные» предметы противопоставлялись друг другу, как утверждал, например, известный педагог дореволюционной России В. П. Вахтеров [3]. В одноклассной школе ВПИ на предметы религиозного цикла (Закон Божий, церковное пение, церковно-славянский язык) предусматривалось 35 часов в неделю, т. е. 46 % учебного времени, в двухклассной – 21 час, или 37,5 % времени⁸. Утвержденные в 1897 г. Примерные программы предметов, преподаваемых в школах МНП, около 45 % учебного времени отводили на предметы религиозного характера, а гимнастика, рисование, основы ремесла и сельскохозяйственных знаний велись «по мере возможности» [5, с. 67]. Из трех перечисленных «церковных» предметов к чисто религиозным относился лишь один, так как церковное пение можно считать фактором художественно-эстетического воспитания, а церковно-славянский язык – средством расширения филологического кругозора и развития формального мышления.

Итоговая аттестация должна была проводиться по всем преподаваемым предметам, однако долгое время она была, как ни парадоксально, необязательной. Системно и регулярно экзамены стали организовываться только после вступления в силу основных положений «милютинской» военной реформы 1874 г., когда при определении сроков военной службы стал учитываться образовательный ценз.

Снижение срока военной службы стало серьезным стимулом к привлечению в школы мальчиков. Лица, сдавшие выпускные экзамены, получали право на льготу IV разряда (подп. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности) по отбыванию воинской повинности – служить только 4 года. Впоследствии юноши, окончившие второклассные церковно-приходские школы и «высшие народные училища» МНП, согласно Уставу о воинской повинности 1912 г. получили право на льготу II разряда. Пользовавшиеся ей обязывались отбыть 3 года действительной службы и 15 лет числиться в запасе (ст. 61)⁹.

Выпускники церковно-приходских школ и школ МНП могли сдавать экзамены комиссиям, образуемым епархиальными училищными советами / инспекторами народных училищ / церковными братствами, и получать свидетельство установленного образца о прохождении курса начальных училищ. Практически эта мера начала применяться в Восточной Сибири с конца 1885/86 учебного года. Учащиеся, завершившие обучение в этом году, могли сдавать экзамены в начале следующего учебного года. В 1903 г. были приняты слегка видоизмененные правила для выдачи «льготных» свидетельств, содержащие незначительные поправки. Теперь к экзаменам допускались учащиеся, которым к 1 сентября исполнилось не менее 11 лет и не достигшие призывного возраста.

⁸ Исторический очерк развития церковных школ за истекшие 25-летие (1884–1909). СПб. : Синодальная тип-я, 1909. С. 187–195.

⁹ Устав о воинской повинности 1912 г. // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912. 293 с.

В состав комиссии могли входить епархиальные наблюдатели, заведующие школами священники, попечители школ (которые на практике почти никогда не участвовали в процессе проведения экзаменов), члены епархиального училищного совета, инспектор народных училищ, правоспособный педагог начального училища любого ведомства. В экзаменах могли также принимать участие (с правом голоса) правоспособные священники – преподаватели общеобразовательных предметов и учителя при оценке ответов своих воспитанников.

Однако на практике состав комиссий в сибирских епархиях был сведен к учителю и законоучителю данной школы и одному из священников/учителей любого соседнего прихода¹⁰. Таким «посторонним» священником часто становился благочинный, он же наблюдатель церковно-приходских школ благочиния, являвшийся в этом случае председателем комиссии. Экзаменационные комиссии для воспитанников образцовых школ при духовных или учительских семинариях состояли из ректора семинарии, преподавателя дидактики, законоучителя и учителя образцовой школы, т. е. «педагогического собрания» семинарии. Все меры по организации работы комиссии входили в компетенцию епархиального наблюдателя или инспектора народных училищ губернии. Для проезда членов комиссии бесплатно предоставлялись мирские подводы от сельского общества.

Экзамены проходили по всем школьным предметам, кроме церковного пения и производственного обучения. За каждый экзамен выводился средний балл. Переэкзаменовка могла быть назначена только через год. Испытания по церковно-славянской грамоте состояли в чтении и объяснении непонятных слов отрывка из Псалтири, Евангелия, Часослова; экзамен по русскому языку заключался в написании диктанта и грамматического и синтаксического разбора предложения, а также в выразительном чтении стихотворения и ответе на вопросы по грамматическим правилам. Иногда добавлялось пение молитв как дополнительный, но не оцениваемый в баллах экзамен по пению.

Выпускник одноклассной школы должен был продемонстрировать знание сложения и вычитания с помощью счет, дробей, мер длины, веса, времени, сыпучих и жидких тел, монет, счета до миллиона. Учащийся двухклассной школы должен был уметь решать задачи на числа любой величины, а также с применением квадратных и кубических мер и сведений о времянисчислении. Программа предписывала не предлагать детям «замысловатых» задач: «Образовательное значение их более чем сомнительно, так как загадки и отгадки педагогическим целям служить не могут... истинную ценность имеют задачи простые, естественные по своему содержанию, не требующие длинных и утомительных вычислений, которые не встречаются при хозяйственных ежедневных и мелких торговых расчетах» [7, с. 415]. Узкоутилитарная направленность программы диктовала необходимость проверки владения детьми так называемыми народными способами вычисления.

¹⁰ Государственный архив Красноярского края. Ф. 297. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

Наиболее сложным был экзамен по Закону Божию. Ученикам предлагались темы для рассказа и беседы на следующие темы: жития святых, ангельские чины, вселенские соборы, названия и виды постов, исторические события, лежащие в основе великих и двенадцатых праздников, особенности великопостного богослужения, эпизоды из Священного Писания (в основном из Ветхого Завета), исправление книг при патриархе Никоне, смысл и значение Нагорной проповеди и т. п.¹¹

Следует отметить, что таким образом в отечественной практике начального образования начинают складываться важнейшие характеристики современной системы оценивания знаний – достаточная полнота, объем и комплексность оценки.

Неоднократно ставился вопрос о допуске к экзаменам на льготу по отбыванию действительной военной службы учащихся неправославного исповедания. Циркулярным указом императора от 29 апреля 1887 г. было разрешено допускать проходящих обучение католиков и раскольников к экзаменам по полной программе. Впоследствии это было закреплено вышеупомянутыми Правилами для выдачи свидетельств... 1903 г., предписывавшими экзаменовывать «без различия христианских вероисповеданий».

Однако учащиеся иудейского и мусульманского исповедания не могли быть допускаемы к испытаниям на льготу, потому что не могли экзаменоваться по Закону Божию. Дети-нехристиане, по мнению идеологов церковной школы, «будучи лишены благодатного воздействия святой Церкви, могли воспринимать христианские истины чужой им веры лишь умом, а не сердцем и волею, а посему не могут быть признаны вполне усвоившими сей важнейший предмет церковно-приходской школы даже при обнаружении ими удовлетворительных теоретических познаний»¹². С другой стороны, А. Е. Басалаев отмечает, что в Забайкальской епархии широко практиковалась сдача экзамена по Закону Божию детьми-иудеями, которые отвечали на вопросы о сущности христианского вероисповедания в присутствии родителей [1, с. 26]. В данном случае церковно-приходская школа, вопреки распространенному мнению, стихийно выполняла задачу создания относительно толерантного пространства в образовательном учреждении – задачу, к решению которой современные образовательные учреждения обратились относительно недавно.

Получение свидетельства регистрировалось в экзаменационном журнале. Довольно долгое время число экзаменовавшихся было незначительным: комиссии действовали при немногих школах, благочинные и уездные инспектора народных училищ, в свою очередь, не подавали прошений об их открытии, осознавая низкую подготовленность детей; родители, как правило, не давали мальчикам окончить курс обучения. Население либо не знало о льготе, либо не придавало этому значения, а иногда и прямо ходатайство-

¹¹ См., например, Енисейские епархиальные ведомости. 1892. № 15. С. 378–380; Иркутские епархиальные ведомости. 1896. № 15 пр. С. 379–382.

¹² Енисейские епархиальные ведомости. 1901. № 20. С. 473.

вало об избавлении от экзаменов «за нежеланием пользоваться льготой»¹³. Статистические показатели ухудшали и выпускники миссионерских школ, которые принадлежали преимущественно к нерусскому населению и не подлежали призыву на военную службу.

В то же время доля грамотных среди новобранцев неуклонно повышалась. По Сибири в целом в 1876 г. она составляла 11,2 %, в 1886 г. – 16,2 %, в 1896 г. – 22,7 %. Возрастало и количество юношей, имевших право на льготу по сокращению срока службы, соответственно составлявшее 1,2; 2,1 и 5,4 % [6, с. 563]. С повышением сознательности крестьянства количество учащихся, сдавших экзамен на военную льготу, росло пропорционально численности выпускников школ. Так, по школам ВПИ Енисейской и Иркутской епархий в 1891 г. экзамены на получение льготного свидетельства выдержал 331 учащийся из 523 допущенных к экзаменам, в 1900 г. – 647 из 980, в 1913 г. – 1256 из 2110¹⁴.

Согласно утвержденному 1 апреля 1902 г. Положению о церковных школах ведомства православного исповедания льготные свидетельства могли выдавать не только епархиальные и губернские училищные советы, но и их уездные отделения, что значительно облегчило процедуру проведения экзаменов. Этим же положением были впервые узаконены стандартные бланки свидетельств об окончании школы и на получение льготы по сокращению срока действительной воинской службы. В свидетельствах указывались фамилия, имя, отчество (или прозвище!), сословие или звание, общество, в котором числился ребенок, дата и место рождения, вероисповедание (к свидетельствам школ «повышенного типа» прилагался также список предметов с оценками). Свидетельство заверялось печатью уездного отделения, подписями его председателя и двух его членов; свидетельство об окончании школы «повышенного типа» подписывалось заведующим школой и всеми учителями.

Одной из причин неосвоения учебных программ и непопулярности школ среди населения являлась выработавшаяся во многих школах практика работы педагога только с лучшими учениками, способными выдержать экзамен. При отсутствии постоянного и регулярного контроля за ходом учебно-воспитательного процесса успешность работы школы оценивалась прежде всего по количеству учащихся, получивших льготные свидетельства в данном году. Испытательные комиссии образовывались только по заявке самого учителя, и к экзаменам представлялись лишь подготовленные дети. Учитель выбирал среди детей нескольких наиболее способных и занимался почти исключительно с ними. Проконтролировать его действия, особенно в отдаленных школах, было практически невозможно: ежегодных итоговых

¹³ Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 2. С. 31.

¹⁴ Енисейские епархиальные ведомости. 1892. № 8-9. С. 40; 11, с. 3; ведомость № 1. 1914. № 6. С. 43; 12, с. 3; Иркутские епархиальные ведомости. 1901. № 17, с. 177; 1914. № 5. с. 200; 1896. № 15пр. С. 379–382; 4, л. 1–3.

экзаменов в школах еще не существовало. Это определенным образом деформировало нравственные основания школы и дискредитировало педагога.

Характерно, что и сегодняшнюю систему итоговой аттестации обвиняют в общей деградации системы образования – и, в частности, потере качества педагогического персонала. Необходимость прилагать максимум усилий лишь к решению одной задачи – готовить к ЕГЭ ведет к падению уровня профессионального мастерства и девальвации нравственных ценностей современного учителя. От успешности сдачи итоговых экзаменов сегодня (и сдачи экзамена «на военную льготу» в прошлом) зависит профессиональная репутация преподавателя и его благосостояние, что усугубляет общую негативность ситуации.

Выявить недобросовестных педагогов не могли нечастые поверхностные проверки наблюдателя церковных школ, инспектора народных училищ, викарного епископа и т. д. Борясь с этим, училищные советы настаивали на введении в практику годовых экзаменов (обязательно публичных, в праздничный день, с участием родителей и представителей церковно-школьной администрации) и на аккуратном ведении классных журналов с частым представлением оценок¹⁵. Но на практике единственно возможная эффективная мера – обязательное проведение письменных (по русскому языку и арифметике) и устных годовых переводных экзаменов во всех отделениях школы – была введена относительно поздно, например, в Енисейской епархии лишь в 1910 г.¹⁶

Можно сделать вывод, что серьезный вклад в снижение эффективности обучения в народной школе Восточной Сибири внесло отсутствие отлаженной системы переводных и выпускных экзаменов по основным школьным предметам, которая должна была охватывать всех учеников.

Отсутствие контроля над деятельностью педагога, малое количество школ и огромная численность населения приводили к тому, что выпускник народной школы даже через двадцать-тридцать лет после ее появления в Восточной Сибири «тонул» в общей массе: «Крестьянин по-прежнему суеверен, невежествен, груб и полон недоброжелательного отношения к сельской интеллигенции»¹⁷. Непрочность полученных навыков письма и чтения и невозможность применять их на практике приводили к рецидивам безграмотности, т. е. частичной или полной утрате соответствующих знаний, умений и навыков. Большой «срок годности» сертификатов современного ЕГЭ, результатами которого можно пользоваться в течение четырех лет после сдачи экзамена, дает примерно аналогичный эффект – при поступлении в вуз не сразу же после окончания школы.

К сожалению, прошедшие с описываемых событий полтора столетия не позволили найти идеальной формы массовой аттестации, ряд недостатков которой превратились в ее родовые болезни. К существующей сегодня си-

¹⁵ Енисейские епархиальные ведомости. 1894. № 4. С. 15–19.

¹⁶ Там же. 1910. № 6. С. 3.

¹⁷ Сибирская школа. 1916. № 9-10. С. 21.

стеме ГИА предъявляется чрезвычайно много претензий. Например, ЕГЭ вопреки всем усилиям реформаторов отечественной школы до сих пор не является органичным итогом изучения школьных дисциплин, требуя отдельной специализированной системы подготовки. Его результаты востребуются вузом, в свою очередь, лишь формально, в виде баллов при поступлении, но не по существу полученных знаний. В существующем виде ЕГЭ рассматривается значительной частью педагогического сообщества как искусственное «включение», препятствие между системой среднего общего и высшего образования.

Таким же образом можно охарактеризовать и сложившуюся практику подготовки учащихся народной школы специально к экзаменам «на военную льготу»: она была во многом столь же чужда потребностям массового школьного образования, как и система ВПР – ОГЭ – ЕГЭ. Установившаяся в 1880-х гг. система оценки эффективности работы учителя требовала как можно большего количества выпускников, выдержавших экзамены. В то же время выяснение уровня подготовки основной массы учащихся не представлялось возможным: сегодня мы наблюдаем аналогичный процесс, когда все больше учеников просто отказываются от прохождения через систему ЕГЭ.

Исторически сложилось так, что ведущим субъектом образовательной политики в нашей стране – и во второй половине XIX в., и сегодня – выступало и выступает государство и его органы, определяющие «генеральные линии образования и формы их осуществления» [4, с. 356]. Однако образование представляет собой сферу общественной жизни, где тесным образом переплетаются интересы государства и граждан. Развитие российского образования, в том числе в области управления его качеством, в этой ситуации представляет собой периодическое сближение и расхождение позиций научно-педагогической общественности и официальных органов государственной власти. Это мешает преодолеть давно сложившееся противоречие между меняющимися условиями функционирования системы отечественного образования и практикуемыми моделями проведения итоговой аттестации выпускников школ, не учитывающих в полной мере новые факторы, средства и возможности оптимизации оценки качества образования.

Список литературы

1. *Басалаев А. Е.* Учебный год церковно-приходской школы Забайкалья // Тальцы. 2001. № 1(12). С. 24–29.
2. *Брызгалов И. Л.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97 гг. Иркутск : [б. и.], 1898. 154 с.
3. *Вахтеров В. П.* Спорные вопросы образования. М. : Изд-во И. Сытина, 1907. 61 с.
4. *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика / Рос. акад. наук. Ин-т философии. М. : Наука, 2003. 456 с.
5. *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. 88 с.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР 2-й пол. XIX в. / под ред. А. И. Пискунова. М. : Педагогика, 1976. 595 с.
7. *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1904. 1093 с.

The System of Qualification Examination at Public Schools in Eastern Siberia at the turn of the 19th – 20th Centuries as a Result of Education Policy of the Russian Autocracy

N. N. Lebedeva

Bratsk State University, Bratsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with peculiarities of the organization of end-of-year and final examinations at public schools in Eastern Siberia at the turn of 19th – 20th centuries in connection with the problems of formation and development of the content and mechanisms of realization of the State Final Certification in the practice of modern national education.

Keywords: parochial school, final certification, national educational policy, problems of education quality assessment, diocesan school board, inspector of public schools, probationary commission, privilege for military service.

For citation: Lebedeva N.N. The System of Qualification Examination at Public Schools in Eastern Siberia at the turn of the 19th – 20th Centuries as a Result of Education Policy of the Russian Autocracy. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 27-37. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.27> (in Russian)

References

1. Basalaev A.E. Uchebnyj god cerkovno-prihodskoj shkoly Zabajkalia [School year of the parish school of Transbaikalia]. *Taltsy*, 2001, no. 1(12), pp. 24-29. (in Russian)
2. Bryzgalov I.L. *Cerkovno-prihodskie shkoly i shkoly gramoty Irkutskoj eparhii v 1896/97 gg.* [Parish schools and literacy schools of the Irkutsk diocese in 1896/97]. Irkutsk, 1898, 154 p. (in Russian)
3. Vakhterov V.P. *Spornye voprosy obrazovaniya* [Controversial issues of education]. Moscow, Publishing House I. Sytin, 1907, 61 p. (in Russian)
4. Zapesotsky A.S. *Obrazovanie: filosofiya, kulturologiya, politika* [Education: philosophy, culturology, politics]. Russian Academy of Sciences. Philosophy Instii tute. Moscow, Nauka Publ., 2003. 456 c. (in Russian)
5. Zverev V.A. *Krest'yanskoe naselenie Sibiri v epohu kapitalizma* [Peasant population of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk, 1988, 88 p. (in Russian)
6. Piskunov A.I., ed. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR 2 pol. XIX v.* [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR 2 pol. XIX century]. Moscow, Pedagogy Publ., 1976. 595 p. (in Russian)
7. Prugavin A.S. *Zakony i spravochnye svedeniya po nachal'nomu narodnomu obrazovaniyu* [Laws and reference information on primary public education]. St. Petersburg, Public Benefit Publ., 1904, 1093 p. (in Russian)

Лебедева Надежда Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, педагогики и психологии
Братский государственный университет
Российская Федерация, 665709,
г. Братск, ул. Макаренко, 40
e-mail: naumova_bratsk@mail.ru

Lebedeva Nadezhda Nikolaevna

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of History, Pedagogy and Psychology
Bratsk State University
40, Makarenko st., Bratsk, 665709
Russian Federation
e-mail: naumova_bratsk@mail.ru

Дата поступления: 20.05.2021

Received: May, 20, 2021